

* * *

Деревья умерли. Зима
их обдувает резким снегом.
Немыми окнами дома
во двор уставились. С разбега
ударит утренний мороз,
рассредоточив злую силу.
Но разве верилось всерьёз
в то, что сорока доносила!
Что холода — наверняка,
и нитью солнце не удержишь,

но речке рядом засверкать...
Под взглядом бдительных консьержек
в подъезды враг не прошмыгнёт,
сковало льдом крутой порожек.
Его под звон подковырнёт
ногой подвыпивший прохожий.
А что деревья? Им стоять
ещё три месяца до жизни,
плюс-минус дней остылых — пять,
пока теплом их не обрызнет.

* * *

Страдания по Брейгелю, январь,
глухое время выверено лаем,
где киноварь небесная — алтарь,
по краю — оторочка горностаем.

Трескучий лёд под лезвием коньков
безумных причащает ярь-медянкой.
Мольберту хватит лишних позвонков
продлиться в вечность кистью нидерландской

и зымы шкúрить, отделяя снег
от рыбьей требухи домашних чанов...
Вышагивает мёртвый человек,
но шаг слепой не кажется мне странным.

Я вижу, как восходит синий пар
из уст его на голос гильотины,
где ёлочный блестящий лунный шар
качается в периметре картины.

* * *

Все, пролетающие мимо,
потом возможно пожалеют.
Обмякли крылья Серафима,
чьи перья стали тяжелее
осенней горечи и звонов
из полусонных колоколен,
где кособокая ворона
хрипит, как ярый богомolec.

И зря окутывать туманом
осиротевшие пенаты.
Зима подступит — это данность,
и вместе с нею — снег лохматый.
А пролетающие мимо
захлопнут двери и страницы...
Как пожелтевший старый снимок,
мне долго помнить в окнах лица.

* * *

Ты говоришь мне по-акульки,
я отвечаю невпопад;
к стене спиной примкнули стулья,
за серой рамой ливнепад.

и не напьёшься. Солнце сохнет,
в груди сирена вьёт гнездо,
добавишь стронций к рыбьим лохам,
чтоб не оставило следов:

А между нами слов так мало,
как будто в кране нет воды.
Излишней жёсткости досталось,
но не растопишь этим льды,

в бумажном сумраке просвета,
где в каждой фразе приговор.
И напоследок — сигарета
и чайной ложки мельхиор.

* * *

Голубое стекло и стол,
за окном — вековые ели,
снег до срока с земли сошёл,
нас оставив зимой без цели.

Словно не было здесь его,
но, глаза раскрывая шире,
чую холода дух живой
в этом странном бесснежном мире.

Вот окно, за окном — туман,
перестук поселенцев лишних;

на потеху вороне сдан
подурневший седой ятрышник.

Подхожу к зеркалам, и что?
Почернелый оклад иконы,
поперёк ли смотрю ли, вдоль —
всё пустые бегут вагоны.

Прижимаю лицо к стеклу,
призываю с небес порошу,
но по-прежнему слеп и глух
снег, как ты, мой родной хороший.

* * *

Расставить сети и ловить январь
на берегу высоком рядом с домом,
где росчерки коньков слышны, как встарь,
и пар восходит к небу невесомый.

Разведчики на чёрно-белый фон
наносят знаки зимней криптограммы;
вороний гомон слышится вдогон
ячеистым сетям. Идут кругами,

подобно снегу, медленные дни,
в пастозном свете стелются у речки,
но кажется, оставишь их одних —
не увернуться и не уберечься.

* * *

В тёмном круге зодиака
ночь — голодная, как чёрт!
Перелистывает дьякон
часослов, в углу промёрз

до костей понурый голубь,
над купелью — морок, мга;
месяц надвое расколот,
вместо звёзд блестит шуга.

На крещение — морозы,
холод адский, но впотьмах
указатели-берёзы
серебрятся на мостках.

Толчея, людские «ахи»,
греховодников толпа;
обнаженные, как Махи,
ходят девы без стыда.

Вдалеке клокочет птица,
освещает небо храм,
кто-то — заново рождается,
чей-то «воз и ныне там».

Ну а я смотрю на чудо,
на свечение воды:
как под стон больного дуба
в душах в рост идут сады.